

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

По легенде, этот клинок
когда-то принадлежал Тавру,
любимому воину царя
Миноса. Кинжал пил кровь
поверженных, а силу их
отдавал своему владельцу.
И даже спустя тысячелетия
мощь кинжала не
изменилась...

Екатерина ЛЕСИНА

Клинок Минотавра

Екатерина Лесина
Клинок Минотавра
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8333378
Екатерина Лесина. Клинок Минотавра: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74242-4

Аннотация

Рог Минотавра, клинок, сотворенный легендарным Дедалом для Тавра, любимого воина царя Миноса, одарил хозяина силой, но отнял разум. Не принес он удачи и потомкам Тавра, исполняя их желания, взамен отбирая душу, коверкая жизни. Оттого и оборвался род князей Тавровских. Памятью о них остались развалины старой усадьбы и легенда, которую Женьке рассказали местные жители. Скрываясь от бывшего и чрезвычайно агрессивного жениха, Евгения приехала в забытую деревню, не предполагая, что ненароком окажется в центре чужой и опасной игры. Здесь у каждого своя роль и своя маска, минувшее тесно переплетается с будущим. И прошлое вновь оживает. Выходит из тени человек в маске быка, собирая чужие жизни. Он убивает, силясь утолить голод клинка, а также вернуть последнюю княжну из проклятого рода Тавровских...

Екатерина Лесина Клинок Минотавра

– Женька, не будь душой, – прошипела Лариска. – Нашла, ради кого слезы лить.

Слезы лились сами собой. Крупные, можно сказать, отборные. Женька только всхлипывала и подвывала, причем с каждой минутой всхлипы становились все тише, а подвывания – громче.

– Он тебя не достоин, – Лариска тоже шмыгнула носом, но тут же взяла себя в руки, и зарождающийся слезопад перекрыла сушкой. Диетической. На диете Лариска сидела время от времени, как правило, после крушения очередного романа. Хватало ее недели на две-три, впрочем, Женька помнила, что однажды диетическое лечение продлилось целый месяц, и Лариска тогда изрядно постройнела, перекрасилась, нарастила акриловые ногти, расписанные незабудками и, осознав свою нечеловеческую привлекательность, влюбилась.

– На вот, не вой, – Лариска сунула сушку и Женьке. – Жуй давай и рассказывай.

Она села, закинув ногу на ногу, и полы шелкового халатика разошлись, выставляя округлые Ларискины колени.

– Н-ничего рассказывать, – шмыгнула носом Женька и в сушку вгрызлась.

И рассказывать нечего, и идти некуда.

– М-можно я у тебя по-поживу?

– По-поживи, – согласилась Лариска, запивая диетическую сушку диетическим кефиром. – Что, окончательно рассорились?

В ней говорило естественное женское любопытство, ну и немного, на краешек акрилового ногтя, женская же зависть. В отличие от Ларискиных увлечений Женькин роман длился уже четвертый год, и дело медленно, но верно двигалось к свадьбе.

Женька даже платью присмотрела...

...И кафе...

...И список гостей составила мысленно...

Нет, конечно, драгоценный утверждал, что спешить не следует, что гражданский брак – это тоже брак, а остальное – будет позже, когда он упрочит свое положение, и Женька соглашалась.

Дура рыжая.

– Я... от него ушла, – Женька шлепнула себя по мокрой щеке, приказывая успокоиться.

– Совсем? – деловито поинтересовалась подруга.

– Да.

– Ну и молодец. И что у вас случилось?

Обычная история. Нелепая. Некрасивая и... ожидаемая, наверное.

– Я... к маме поехала... у нее сердце, ты знаешь, – Женька вздохнула и потянулась за очередной сушкой. Желудок заурчал, напоминая, что помимо бутерброда с сыром «Российским» иной пищи он не видел. – Сердце и...

– И твоего придурка она на дух не переносит, – кивнула Лариска.

Верно. Как-то вот не сложились у драгоценного отношения с Женькиными родителями. Те его недолюбливали, он же отвечал на нелюбовь надменным равнодушием.

– Он сказал, что туда меня не повезет; если он такой плохой, то ехать мне на автобусе...

– И ты поехала? – глаза Лариски полыхнули.

– Поехала. Съездила и тут же вернулась. Тетя Веня объявилась и маму в свой санаторий забрала. Ты же знаешь тетку... Я еще порадовалась... я давно предлагала, так разве мама послушает? А от тетки она точно не отобьется...

Сушки были пресными.

– Вот я и... домой... звонить не стала... сюрприз...

– Дура, – ласково произнесла Лариса и, дотянувшись, погладила Женьку по включенным рыжим волосам. – Кто ж мужикам такие сюрпризы делает? Он с бабой, да?

– Да.

– Ну... может, она по делу зашла... или ты не так поняла.

Женька неожиданно для себя рассмеялась. Господи, да что там не так понять можно было? До кровати драгоценный не добрался, на диване расположились, он и эта стерва из отдела продаж! Она еще тогда, на корпоративе Женьке не понравилась... черная юбка-мини, блуза просвечивающая, бюст четвертого размера и кукольные синие глаза.

А взгляд – хищный.

И, захлебываясь от обиды, Женька рассказывала про остроносые туфли на шпильках, брошенные в коридоре... прежде-то драгоценный терпеть не мог малейшего беспорядка, и обувь следовало ставить в шкаф, предварительно протерев сухой тряпочкой. А туфли валялись. И длинный красный зонт.

И лаковая курточка, тоже красная с огромными пуговицами.

Папка с бумагами.

Юбка, уже не черная, но опять короткая...

Сама хозяйка, томно постанывавшая, и драгоценный.

Отвратительно.

От отвращения она и не расплакалась сразу, выскочила за дверь.

– Теперь все, – сказала она, засовывая в рот последнюю сушку. – Я к нему не вернусь...

– И правильно.

Лариска, слушавшая рассказ внимательно, достала из кармана пачку сигарет.

– К нему тебе нельзя. Он козел, но от тебя не отстанет.

– Почему?

– Потому что вторую такую ласковую дуру попробуй найди. Он же привык, что ты у него вместо домработницы. Кто в квартире убирается? Готовит? Рубашечки стирает? Гладит? Портфельчик носит? В рот ему смотрит, каждое слово ловит... дура ты, Женька.

Точно, дура. И от осознания этой дурости захотелось зареветь уже в голос. А ведь казалось, вот оно, счастье...

– Хорошо, хоть доучилась. А то была бы и без диплома.

– Кому он нужен...

– Тебе нужен, – жестко обрезала подруга. – Или ты планируешь и дальше дома сидеть?

Женька вздохнула. Так далеко она еще не заглядывала... а ведь верно, что ей делать? К родителям возвращаться и весь следующий год слушать о том, какая она, Женька, глупенькая, несамостоятельная, недаленовидная? Нет, родители ее любят, но молчать не станут: драгоценный им крепко нервы потрепал.

У Лариски остаться? Она не будет против, но сколько у нее прожить можно? Месяц? Другой? А потом что? Работу искать надо, а Женька не очень хорошо себе представляла, как это делается.

И разве виновата она, что работать ей не довелось?

Драгоценного она встретила, будучи уже на пятом курсе. И влюбилась. Да и как не влюбиться, когда он был хорош собой, солиден, сдержан и слегка, самую малость, надменен. Тогда эта надменность казалась Женьке признаком аристократизма...

Истинный принц.

Ко всему состоятельный. Он покупал Женьке роскошные букеты и в рестораны ее водил. Девчонки завидовали.

– Везучая ты, Лашевская, вон какого мужика отхватила...

И Женька, млея от счастья, соглашалась. Спустя месяц драгоценный предложил перейти к нему. И разве это не свидетельствовало о серьезности его намерений? Конечно, от общаги к универу было ближе, а возить ее на учебу драгоценный отказывался.

– Нечего тратить время на ерунду. Ну кем ты там станешь? Педагогом? Тоже мне, профессия...

Кажется, в тот раз они впервые поссорились. И он затаил обиду, обижался долго, до самого выпуска, а Женька перед госэкзаменами переехала в общежитие. Оттуда он ее и забрал, уже после диплома, сдачу которого решено было отметить. Драгоценный заявился с корзиной бордовых роз и, встав на одно колено, при всех просил прощения. Ну как было устоять?

Дура, ох дура... идиотка махровая.

...И лег диплом ее в ящик стола. Зачем женщине работать? Разве Женьке денег мало? Ее дело – создавать уют. Хранить очаг.

И хранила. Три треклятых года хранила, обживая его квартиру, как собственную.

– Что теперь будет? – всхлипнула Женька, догрызая последнюю сушку.

– Что-нибудь. Иди умойся.

Лариске квартира досталась от бабки, которая при жизни отличалась на редкость склочным нравом и успела рассориться как с дочерьми, так и с внуками, кроме Лариски, которой жилплощадь и завещала.

Женька села на край ванны и включила воду.

Ржавая и урчит.

Кран закручен изолентой, из-под которой растекается вода. Квартире ремонт нужен, но откуда у Лариски деньги? Нет, она не просила, не намекала, но... Женька однажды попросила драгоценного помочь. Подруга ведь. А он, смерив Женьку насмешливым взглядом, произнес:

– Твоя подруга плохо на тебя влияет. Мне она не нравится.

Ему отчего-то не нравились все Женькины знакомые, и за четыре года эти знакомые как-то сами собой исчезли из Женькиной жизни. Наверное, им в ней стало неуютно.

А Лариска вот осталась. И теперь Женька сидела на краю ванны в крохотной ванной комнате, разглядывала бело-синюю еще советского образца плитку и трещины на ней. В запотевшем зеркале отражалась распухшая Женькина физиономия. И глаза от слез покраснели, и нос раздулся, а губы вновь кусала...

...Драгоценный долго пытался отучить ее от этой дурной привычки.

Ну вот, не стоило вспоминать! Не стоило. И Женька решительно плеснула в лицо ледяной воды... гадость. Наверное, она просидела в ванной комнате долго, потому как выйдя, услышала голоса.

– Я знаю, что она здесь! – драгоценный редко повышал голос, утверждая, что человеку его положения следует проявлять похвальную сдержанность.

– С чего взял?

Лариска стояла в коридорчике, опираясь на старый сервант, который давно собиралась выкинуть, но руки не доходили. А может, просто никто из ее возлюбленных не горел желанием тащить древний, но тяжелый сервант, к помойке.

– Не дури мне голову. Ей просто некуда больше идти.

– А ты и рад.

Женька замерла, испытывая огромное желание сбежать. Запереться в ванной, зарыться в ворох махровых халатов, к которым Лариска испытывала странную привязанность, и сидеть, пока он не уйдет.

– Позови!

– Не командуй тут, не у себя дома. – Лариска воинственно сдула темный локон.

Спрятаться? И как долго прятаться? Год? Два? Всю оставшуюся жизнь?

...А в его квартире остались Женькины вещи. И вообще им следует поговорить как взрослым серьезным людям, расставить все точки...

– Слушай, ты... шалава, – драгоценный шипел. – Или ты позовешь сейчас это недоразумение, или...

– Лар, я с ним поговорю.

Женька дернула подругу за рукав, жалея лишь об одном – что распухшая ее физиономия выдает недавнюю истерику.

– Уверена?

Женька кивнула. В конце концов, драгоценный – интеллигентный человек, пусть и сволочь, как оказалось, но остальное-то... не съест же он Женьку.

Лариска посторонилась. Пускать драгоценного в квартиру она явно не желала. А на лестнице гуляли сквозняки, и значит, дядя Миша с третьего вновь окно вышиб по пьяни. Он был неплохим человеком и запивал исключительно на получку, причем получку успевал до дома донести.

И окно вставит.

Потом.

Почему-то думалось о дяде Мише и его жене, которая носила короткие розовые халатики, хотя давно вышла из девичьего возраста. О старухе Семеновне и мелкой зловредной ее собачонке, норовившей облаять каждого, о сирени у подъезда и тройке кошек, этот куст обживших... обо всем сразу, но только не о драгоценном. Он же стоял, неуместный на этой площадке, старой, но чистой, заслоняя собой деревянную стоечку для цветов. Цветы выставляла еще Ларискина бабка, и теперь Лариске по наследству приходилось ухаживать за ними.

– Евгения, – драгоценный смерил Женьку взглядом, в котором она прочла и возмущение, и негодование, и готовность простить. – Твой поступок неприемлем.

А все-таки в чем-то он смешон. Нет, красив, конечно, высокий и широкоплечий, подкачанный... тренажерный зал трижды в неделю и раз в полгода – строгая диета. Для Женьки – чаще, она ведь женщина...

– Почему?

– Потому что ты – взрослый человек, а ведешь себя как ребенок.

Руки на груди скрестил...

...Широкие запястья, удлинённые ладони с аристократическими тонкими пальцами. Он как-то долго и довольно нудно – все-таки имелся и у драгоценного недостаток, это самое занудство – объяснял Женьке, чем ее руки, плебейские, от его отличаются.

Едва не поссорились тогда.

Господи, как же она ненавидела ссоры! Особенно с ним, когда драгоценный запирался в равнодушном молчании, игнорируя жалкие Женькины попытки примирения. А вот теперь снова сам появился, но без цветов.

– Я... – она сглотнула. – Я видела тебя с этой... женщиной. Сегодня.

Сложно смотреть ему в глаза и признаваться, Женька чувствует себя виноватой, хотя совершенно точно знает, что нет за ней вины.

– Я понял, – отмахнулся драгоценный. – И что?

И что? Он серьезно не понимает?

– Ты мне изменил!

Пожатие плечами, небрежное, слегка раздраженное.

– Она ничего для меня не значит, – драгоценный улыбнулся. – Женечка, конечно, твоя ревность в данных обстоятельствах естественна, но не стоит делать глупостей.

Ревность? Ревновала она его прежде, особенно в первый год, когда поняла, насколько он привлекателен для других женщин. А эти другие вились вокруг драгоценного и были чудо как хороши.

– Ну хочешь, я пообещаю, что впредь буду осмотрительней?

Впредь? Он пришел отнюдь не за тем, чтобы прощения просить. Будет осмотрительней... продолжит изменять, но ради Женькиного спокойствия измены скроет, раз уж она такая непонятливая... несовременная.

– Жора, я не вернусь.

Он терпеть не мог этот вариант своего имени и сейчас скривился, но взял себя в руки.

– Дорогая, – голос мягкий и выражение лица соответствующее, – я же сказал, это был просто секс и ничего, кроме секса. Ангелина слишком стержовзна, чтобы я с ней связывался. Ну хочешь, я ее уволю?

И возьмет на ее место другую.

Блондинку. Брюнетку. Рыжую. Не важно. Сколько их, случайных подружек, которые «ничего, кроме секса», перебивало в Женькиной квартире? Нет, не ее, но она привыкла считать квартиру своей. Она ее не обставляла, но... шторы в спальне и в гостиной, чехол на диван, семейство фарфоровых уток на каминной полке... а тот странный светильник, похожий на уличный фонарь начала прошлого века? Женька его нашла на выставке молодых дизайнеров...

– Пойми, дорогая, – драгоценный счел молчание добрым знаком. И взяв Женьку под локоток, продолжил: – Мужчины по своей природе – существа полигамные. Это доказано научно. Им нужен секс, но сам по себе он равным счетом ничего не значит... это как булочку съесть.

– Булочку? – Женька не без труда вырвала руку. – Знаешь, дорогой, ищи себе другую дуру. А я ухожу.

Она сделала шаг к двери, но драгоценный перехватил руку и сдавил.

– Куда ты уйдешь? – он говорил спокойно, но вот лицо побелело и сосуды на висках вздулись.

– Отпусти.

– Послушай, дурочка моя ненаглядная... – он дернул Женьку на себя, и она ткнулась носом в дорогой шерстяной его пиджак. От шерсти пахло духами.

Женскими.

– Куда ты пойдешь? К Лариске своей? Ладно, сходи, хотя я изначально был против такой подруги. Она плохо на тебя влияет.

Пальцы его стискивали Женькину руку.

– Мне больно!

Она рванулась, но что она против драгоценного? А он не услышал, никогда-то он не слышал того, чего слышать не желал.

– Но дальше-то что? – обманчиво-ласковый голос. – К родителям на шею сядешь? Они, конечно, будут счастливы, но, Женечка, в твои-то годы стыдно жить за счет родителей...

– А за твой?

Нет, он не тронет. Он просто по щеке гладит, но от самого этого прикосновения страшно.

– Я – другое дело. Мужчина должен содержать семью. Поэтому не глупи... кому ты, кроме меня, нужна?

– Кому?

Он странно действовал на Женьку. Хотелось закричать, броситься к двери, заколотить кулаками, требуя, чтобы впустили в квартиру, защитили. Но вместо этого Женька смотрела в бледные серые глаза драгоценного.

– Никому, – едва ли не с наслаждением произнес он. – Кто ты, если разобраться? Никто. Обыкновенная девчонка, которых тысячи. Не красавица. И умом особым не отличаешься.

Сволочь. Как Женька раньше не видела, какая он сволочь?!

– Миленькая, добренькая, но и только... этого мало, Женечка. Уйдешь от меня и что дальше? Устроишься работать на рынке? Найдешь себе кавалера, какого-нибудь милого мальчишка без гроша за душой, но с амбициями? Хотя нет, амбиции твоя мамочка не одобрит. И будете вы вместе жить-поживать, вчетвером в двухкомнатной квартирке, перебиваясь с хлеба на воду... а потом, конечно, дети пойдут... и однажды ты поймешь, что превратишься в заезженную клушу. Располнела. Обрюзгла. И твой муженек это тоже увидит. И найдет себе девицу помоложе... хотя ты, конечно, будешь ждать от него верности. Ты же наивная, Женечка.

Он говорил это шепотом, на ухо, и от каждого слова Женька вздрагивала.

– Отпусти...

– Нет, ты моя.

– Я ничья.

– Ошибаешься, дорогая. Моя. Я тебя выбрал. Я из тебя человека сделал... – драгоценный потянул за рыжую прядку, заставляя наклониться. – Воспитал. И теперь ты дуришь. Нехорошо, Женечка. Давай собирайся, поедem домой.

– Нет.

Пощечина получилась звонкой, и Женька отпрянула, прижимая ладонь к горячей щеке.

– Прости, но ты меня вынудила.

Она прижалась к стене, понимая, что отступить некуда. Драгоценный стоял между ней и дверью в Ларискину квартиру.

– Я не сторонник силовых методов, но если женщина не понимает, что от нее требуется, то приходится ее учить...

– Я закричу!

– Кричи.

И Женька, закрыв пальцами уши, завизжала. Она кричала так громко, как могла, и от крика не слышала ничего. Ни лая собачонки, что нырнула под ноги драгоценному, ни голоса ее хозяйки, требовавшей немедленно прекратить беспорядок, ни дяди Мишиного гулко-го баса...

Женька захлебывалась криком и ужасом.

И замолчала только когда оказалась в знакомой прихожей.

– Ну ты даешь, подруга! – Лариска сдула с носа длинную черную прядь. – Вот это голосище!

Женька только икнула.

– На, выпей.

Лариска сунула в руки кружку, и Женька выпила. Подавилась. Закашлялась, а подруга заботливо постучала по спине.

– Что... это? – горло горело, и рот, Женька не пила ничего крепче «Мохито».

– Водка. Водка – лучшее средство от нервного потрясения. По себе знаю. Идем, – Лариска кружку забрала и потянула за собой.

На кухню. Кухонька в квартире была столь крохотной, что даже холодильнику в ней не нашлось места. С трудом втиснулись плита, шкаф, откидной стол и пара узких, неудобных стульев.

– Сейчас кофе сделаю... а вообще пожрать бы надо.

– Ты ж на диете?

– Да ну ее, – отмахнулась Лариска. – Нам думать предстоит, а диета работе мозга не способствует.

Работа мозга... по всему получается, что мозга этого у Женьки нет. С кем она связалась? С принцем. И щека горела от прикосновения королевской руки. Женька щеку потрогала и всхлипнула, не столько от боли, сколько от обиды.

– Вот только не реви! – взмолилась Лариска. – Потом проплачешься.

Потом, так потом. Женьку охватило странное безразличие... она села и, облокотившись о столешницу, глядела на Ларискины кухонные хлопоты.

– На вот, – та сунула в руки бутерброд с ветчиной. – Зажуй. И огурчика маринованного возьми... мама оставила. Опять в этом году пятьдесят банок. Я ей говорила, что куда нам столько? А она разве послушает? Теперь вот тягает, требует, чтобы огурцы ела.

– Ты ж не любишь огурцы.

Ветчина была жирной, а огурец – сладковатым, хрустящим.

Драгоценный настаивал на том, что питаться нужно правильно, без жирной ветчины и огурцов... и Женька со странным наслаждением потянулась за вторым бутербродом.

– Не люблю, – Лариска устроилась напротив. – А ты оттаиваешь, замороженная наша красавица... плакать будешь?

– Буду, – решила Женька, но уточнила. – Позже. Он меня ударил.

Ларка вздохнула.

– Нет, представляешь? Он меня... и сказал, что учить надо... и что я никому не нужна, что он меня воспитал...

Обида комком застряла в горле. Никто Женьку не воспитывал, нет, раньше, давно, еще на заре этого безумного романа, драгоценный пытался читать лекции, а Женька слушала...

Бред какой.

Она вдруг, преисполнившись обиды, стала рассказывать Лариске и о романе, и о своей дизайнерской лампе, о чашках из кузнецовского фарфора, о драгоценном с его неестественной любовью к порядку и занудством. И к тому, и к другому Женька притерпелась, но кто знал, что...

Она снова и снова трогала щеку, заедая обиду огурцами.

Ветчины не хотелось, а огурцы у Ларискиной мамы получались вкусными.

Лариска слушала. Вздыхала. Сочувствовала... хорошо, когда есть кому посочувствовать.

– Послушай, подруга, – она скребла длинным ногтем скатерть, и привычка эта детская сильно раздражала и Ларискину маму, и всех ее кавалеров. Лариска искренне пыталась отучиться от нее, но в минуты душевных волнений привычка брала верх над разумом. – А вот что делать – это проблема...

Женька застыла с бутербродом в руке.

– Нет, не в том плане, что я тебя гоню... живи, сколько хочешь. Вот только он так просто не отстанет... я знаю таких. Он тебя не любит, Женька, но он считает тебя своей собственностью. А свое он никому не отдаст. И сюда будет ходить, как на работу... ладно, сегодня один, но с него станется нанять кого-нибудь, чтоб дверь вышибли и...

...Дверь в Ларискину квартиру была хлипкой.

– ...или еще чего придумает. Сама же говорила, что твой псих с фантазией.

– Он не...

– Псих, Женька, как есть псих... помнишь, в прошлом году у меня машина сгорела?

Женька кивнула. Старенький «Форд» был подарком родителей, и Лариска машину любила.

– Твой ко мне подкатывал. А я его послала... точнее, посылала раз за разом. Он и пригрозил, что это мне боком выйдет. А на следующий день – машина сгорела... и не говори, что

совпадение... еще через день меня в метро порезали... пальто мое, новое, в мусор ушло... придурки какие-то дверь краской облили... и я ему позвонила. Он довольный был, с ходу пообещал все мои... трудности финансово разрешить. А я сказала, что если он не угомонится, то тебе пожалуюсь...

– Ты мне...

– Ну да, не говорила, – Лариска пожалала плечами. – Не хотела расстраивать... ты ж в рот этому придурку смотрела. Вот и подумала, что если скажу – поссоримся. Ну его... в общем, он только посмеялся... и сказал, чтоб кобениться перестала. Такой вот... аристократичный слог.

Кобениться.

Перестала.

Женька повторяла эти два слова про себя, вписывая их в новую реальность, которая вдруг появилась, такая, разительно отличающаяся от старой, где драгоценный и вправду был центром мира.

– Ну тогда я Ромке позвонила. Ты ж помнишь Ромку?

Женька кивнула, не способная произнести и слова. Ромку она помнила, как не запомнить. Ларискин троюродный брат отличался весьма характерной внешностью. Человек в целом мирный, он был огромен, широкоплеч, носил кожанки и голову обривал налысо.

– Ромка с ним по-свойски объяснился... ну и этот твой отстал... даже компенсацию выплатил, – Лариска вдруг шмыгнула носом. – Я тогда знаешь как испугалась?

– Не знаю...

– И я не знаю. Я спала со скалкой под подушкой, даже когда Ромка... все равно, со скалкой, а это неудобно и... и вообще, Женька, ну зачем ты с этим придурком связалась?

– Так разве я знала?

Цветы и конфеты. Слова, которые драгоценный умел подбирать. Предложение жить вместе и томительное ожидание, когда за этим предложением последует другое. Свадьба, платье, кольца... родители бы, наконец, успокоились...

– В общем, я чего хотела сказать, – Лариска резко перевернула чашку на блюдце и постучала ногтем по дну. – От тебя он так просто не отстанет. Я на таких психов насмотрелась. Они думают, что раз женщину содержали, то она им принадлежит... и бесятся, когда та сбегает.

Женька вздохнула.

Вернуться? И притвориться, что ничего не было? Он станет вести себя аккуратней, но изменять продолжит, а она теперь будет знать и про измены, и про пощечину не забудет.

– Здесь оставаться тебе нельзя. И к родителям тоже нельзя, у них он в первую очередь искать станет... – Лариска подняла чашку и уставилась на черную жижу, точно и вправду надеялась получить ответ. – А вот дача... про дачу ты этому убогому не рассказывала?

Женька мотнула головой. Вроде бы нет.

Давно, еще когда сказочный роман только-только начинался, она пыталась говорить с драгоценным, рассказывать ему о своей жизни, о друзьях и подругах, обо всем, что Женьку окружало. Ей казалось, что если двое любят друг друга, то должны делиться всем. А ему это было не интересно.

Он так и сказал:

– Ты милая девочка, но прости, мне это не интересно.

И Женька еще обиделась, но потом подумала, что он и вправду старше, выше глупых ее проблем, которые и не проблемы вовсе, а мелочи жизни. А еще драгоценный много работает, устает, и с ее стороны просто непорядочно не позволять ему отдохнуть.

– Хорошо, если так, – Лариска отодвинула чашку. – Официально дача за тетей Люсей числится, а она – уже год как в Австралии...

– Да?

– Замуж вышла. Я тебе не говорила?

– Нет.

...В последний год встречались редко. Драгоценный был против встреч с Лариской, называл ее хабалкой, а порой, разозлившись, и того хуже. Женька заступалась.

Вспыхивала ссора.

Женька ненавидела ссоры, оттого и встречалась с Лариской тайком, впопыхах, успевая лишь перекинуться парой-тройкой фраз... и наверное, рано или поздно, но и эта связь оборвалась бы.

– В общем, замуж она вышла, а дачу на меня оставила. Я там раз в полгода появляюсь... посидишь с месяцок, глядишь, у этого пыл остынет. Найдет себе новую дуру и успокоится.

– А если не найдет?

– Найдет, – Лариска была более чем уверена. – Он же один жить не умеет. Да и через месяц видно будет... слушай, а ты покойников боишься?

– Я? Нет...

– Замечательно. Будет тебе и работа...

...Улыбнулась Ларка как-то нехорошо.

Девушка очнулась от холода.

Она хотела закричать, но из горла вырвался сдавленный сип. Рот был заткнут мягкой тряпкой. Девушка дернулась, чтобы вытащить ее, и поняла, что руки ее прикручены к подлокотникам кресла. Босые ноги упирались в холодную плитку. Над головой покачивалась лампочка на витом шнуре, желтая, как яблоко. И от яркого света у девушки начала кружиться голова. Наверное, если бы не веревки, она бы упала.

Где она?

В комнате. В огромной комнате, выложенной белым кафелем.

Пустой.

Это сон. Страшный сон, вот сейчас она откроет глаза и очнется...

...Где?

В кафе. Точно. Она договорилась о встрече в кафе...

...С кем?

С Минотавром. Нет, конечно, у него и человеческое имя имеется, к примеру, Стас... ему бы пошло, и это имя ей нравилось, или вот еще Александр... но в сети все скрываются под никами, и Александров, Сашек, Сашунчиков – сотни, а Минотавр один.

...Он не пришел?

В голове сумятица, в висках бьется пульс. Больно. Потереть бы, это всегда помогало с болью справиться, но руки-то связаны... Господи, во что она вляпалась?

Девушка застонала. Вечно у нее все не так, как у людей. И все ж в сети знакомилась. А он сам ей написал. Сказал, что фотка понравилась и что у нее глаза волшебные. Ей так понравилось, про глаза...

Она всхлипнула, проклиная тот день, когда ответила на письмо.

Слово за слово.

Он был таким умным... внимательным... он готов был слушать, а она – говорить, ведь раньше никто никогда не относился к ней так, будто она... единственная.

Он так и писал, «моя единственная». Ей же казалось – он выдумка, фантазия... как можно влюбиться в фантазию? Обыкновенно. И когда Минотавр предложил встретиться, она не стала раздумывать.

Кафе. Полдень. Что может случиться в кафе в полдень? Среди людей и солнца... почему-то ей представлялось, что все зло происходит исключительно под покровом ночи. Да и не было мыслей, что он опасен.

Это ведь Минотавр, человек, который сказал, протягивая букет багряно-красных роз:
– В жизни ты еще лучше.

Он сам оказался... обыкновенным? Пожалуй. Нет, не урод, и ему действительно за тридцать, и выглядит он на свой возраст. Красив? Наверное, правда, она воображала его иным, а этот... простоватый. Но улыбка хорошая, добрая.

И розы.

Ей никогда прежде не дарили букетов, чтобы с трудом в руках удержать.

– Сколько здесь? – она бралась пересчитывать цветы и путалась, начинала сначала, за этой нелепицей пытаюсь скрыть волнение.

– Три дюжины, – ответил он. И руку протянув, предложил: – Пойдем прогуляемся.

А она согласилась.

И что... путается все. Она помнит городской парк и... уже вечер? Ну да, осенью рано темнеет. Фонари загорались, и она еще сказала, что это очень романтично – гулять вечером в парке. А он засмеялся таким странным хриловатым смехом, ответил:

– Ты себе не представляешь, насколько...

Дальше что? Аллея... и еще одна. Он уводил в боковые, пустые, и она шла, потому что рядом с ним чувствовала себя спокойно. Это ведь Минотавр! Был старый мостик со ржавыми перилами, и поцелуй, от которого закружилась голова.

– Выпей.

Протянутая фляжка. И ее нервный смех. Горечь коньяка... а потом провал. И девушка застонала от обиды. Предатель!

...Маньяк.

Девушка рванулась, задергалась, сиюсь выбраться из ловушки, но веревки держали крепко. Она и закричать-то не могла, кляп во рту мешал.

Плакала.

И замерла, услышав шорох открывающейся двери.

– Очнулась? – сухой незнакомый голос. – Это хорошо, что ты очнулась. Это значит, что ты сильная...

Она видела ноги в дорогих остроносых ботинках, начищенных до блеска. Они тускло мерцали в ярком свете лампы. И цокали, точно копытца.

Минотавр спускался.

Он явно не спешил, позволяя любоваться собой.

Маньяк... маньяки должны быть другими, не такими... обаятельными... обыкновенными... на нем джинсы и серый свитер. И еще маска, детская, дешевая.

Бык.

– Поговорим? – рука в тонкой хирургической перчатке коснулась щеки. И девушка торопливо закивала. Говорить.

Она читала, что если с похитителем говорить, то он проникнется к жертве сочувствием и тогда не убьет... и быть может, все совсем не так, как ей представляется? Может, он просто любитель экстрима и дурных шуток? И сейчас рассмеется, скажет, что разыграл...

Он вытащил кляп и прижал к губам девушки горлышко фляги, заставляя глотать сильно разбавленное вино. Но пить хотелось, и она жадно пила.

– Вот так-то лучше, – он погладил по волосам. – Ты не кричишь.

– Я... не буду кричать.

– Будешь, – как-то устало, равнодушно даже заметил он. – Все кричали, и ты станешь...
...Все?

Нет, не думать, не позволить страху лишиться себя разума. Он просто запугивает... ненормальный... и говорила же мама, что сеть до добра не доведет. А она смеялась, мол, нельзя бояться того, чего не понимаешь. Оказывается, можно. До колик в животе, до дрожи в коленях, они и теперь тряслись, пусть даже ноги ее были прикручены к стулу.

– Мы... – она облизала губы. – Поговорим?

– Поговорим, – охотно отозвался Минотавр.

– Зачем ты меня украл... я тебе понравилась?

Смешок.

– Нет, я понимаю, что я далеко не красавица, но если ты меня украл, то значит, я тебе понравилась?

Он фыркнул, но ничего не ответил. Духи у него хорошие, свежие, с терпковатым кедровым ароматом.

– Ты забавная, – он погладил щеку. – Остальные плакали. А ты говоришь...

...Потому что, быть может, это – единственный ее шанс. Говорить. Рассказывать о себе и заставить его сочувствием проникнуться.

– Как тебя зовут? – он накручивал на палец ее волосы.

...Она давно хотела стрижку сделать, но мама была против. Волос жалко. Сначала обрежешь, а потом не отраслишь. Они же мешали, вечно путались, сбивались в колтуны, и расчесывать приходилось по часу. От тяжести кос голова болела...

– Анна.

– Анна... Аннушка... Анечка, – он перебирал варианты ее имени, точно пробуя все его оттенки на вкус. Нет, все-таки жуткий. И маска эта... идет бычок, качается, вздыхая на ходу...

– А... а тебя как зовут?

– Минотавр, – охотно ответил он. – Анечка, ты знаешь, кто такой Минотавр?

Она помнила что-то. Детство и серая книжка с мифами про богов... и про минотавра там тоже было, но что именно?

– Современное поколение... – он потянул за локон, и Аня наклонилась. – У вас доступ к целому миру информации, но вам не интересно.

– Расскажи.

– О чем?

– О... о минотавре.

Волосы выпустил и сел, прямо на белый пол, ноги скрестил по-турецки, ладони на колени положил, а джинсы дешевые, потрепанные. И свитер старый... но вот туалетная вода и ботинки... Аня скосила взгляд, примечая, что каблук подбиты металлическими подковками.

– Рассказать, значит... пожалуй, расскажу...

...Маска-маска... зачем маска, если она лицо видела?

Боже, он ведь знает, что Анна лицо видела. И не отпустит... он не дурак, и тогда... тогда зачем маска? И почему он не помнит ее имени? Анна ведь представлялась.

– Давным-давно, – он начал рассказ, будто сказку, – мир был иным, и боги часто спускались к людям. Порой они принимали обличья вовсе не человеческие...

Его голос стал иным, мягким, вкрадчивым.

Он смотрел на Аню сквозь прорези в маске со странной любовью, с нежностью даже.

...Не бояться. У нее есть шанс, она ведь жива, и значит, шанс есть. Вот только руки надежно прикручены к креслу. И ноги. И вообще не сдвинуться.

– Я... я знаю, – Аня сглотнула вязкую слюну. – Зевс похитил Европу, превратившись в быка.

– Умничка, – совершенно серьезно похвалил ее Минотавр.

– А еще он... он кажется, лебедем был.

– И золотым дождем. Зевс отличался редкостной любвеобильностью, но к нашей истории он отношения не имеет...

Безумец.

И веревки, как ни пытается она ерзать, надежны. А Минотавр смотрит на жалкие эти попытки освободиться и улыбается, едва ли не в голос смеется, скотина этакая.

– Минотавр – это наказание людям, напоминание о жадности их. Царь Минос однажды решил обмануть бога... неразумно, правда?

Аня кивнула.

Неразумно... господи, если она живой выберется, то в жизни в сеть не заглянет. И страницу свою на сайте знакомств удалит, и ту, которую в Одноклассниках... и вообще в монашки уйдет.

– Так вот, этот царь забрал быка, предназначенного Посейдону, себе. И тогда Посейдон разгневался. Полагаю, дело было вовсе не в быке. Люди не должны покушаться на то, что принадлежит богам. Знаешь, как Посейдон наказал царя?

Аня помотала головой, и человек в маске засмеялся низким хрипловатым смехом.

– Он наслал на жену его противоестественную страсть к тому самому быку... что морщишься? Неприятно думать? О да, царь, полагаю, тоже был не в восторге. Наверное, он пытался жену образумить, но где ему спорить с богами? И безумная царица обратилась к гению Дедалу... ни о чем не говорит это имя?

– Н-нет...

– Жаль, ты мне казалась более образованной. Ничего, мы все исправим. Правда?

Аня закивала головой: конечно. Если ему хочется, она исправится, она будет много читать, в библиотеке поселится, лишь бы получить свободу.

– Умница моя, – восхитился Минотавр. – Я в тебе не ошибся. Итак, Дедал, который наверняка сам был слегка сумасшедший, но все же гений, сделал деревянную корову, в которую царица забралась...

...Гадость, гадость, гадость...

Улыбаться. Слушать, всем своим видом изображая величайшую заинтересованность.

– От связи с быком и родился минотавр, чудовище с телом человека и головой быка. Вид его был столь ужасен, что Минос приказал убрать младенца с глаз долой. И тот же Дедал выстроил под дворцом лабиринт, в котором Минотавр и жил. Ему отправляли осужденных преступников, а позже – и дань, которую платили афиняне, прекрасных юношей и девушек... печальная история, – ее похититель подался вперед, убирая длинную прядь. – У тебя красивые волосы. Мне нравится, что ты их не красишь. Современные женщины косметикой злоупотребляют. Красота должна быть естественна, как у тебя. Боишься?

Аня кивнула.

– Правильно, – совершенно серьезно ответил Минотавр. – Но успокойся, я не собираюсь тебя убивать. Пока...

Очаровательное уточнение. И все-таки дышать стало легче. Немного.

– На самом деле есть и другая версия легенды, куда более прозаическая, – Минотавр плавным движением встал на ноги. – Тавром звали начальника охраны Миноса, человека чудовищной силы и чудовищной жестокости... но это ведь неинтересно, да?

И Аня, не смея отвести взгляда, кивнула.

До деревеньки Натан Степаныч добрался на подводе. Станция, дымная, прокуренная насквозь и похожая сразу на все местечковые станции с их неопрятностью, сонными мухами и пьяноватым зрителем, каковой выходил встречать поезда, осталась позади.

Там Натан Степаныч прохаживался вдоль рельсов, вдыхал смолистый сосновый аромат и спину разминал – затекла.

Думал.

Имелась за ним подобная привычка, вызывавшая немало смешков коллег и начальственного сдержанного недоумения, – думать на ходу. И не то чтобы, скажем, сидя ему вовсе мысль в голову не шла, но скорее уж само тело, немолодое – сорок седьмой годок пошел – много на веку повидавшее, стоило присесть, начинало напоминать о своих болячках. Прихватывало спину, и старая рана, давно, казалось бы, изжитая, просыпалась, вызывая судорогу, отчего левая нога подергивалась мелко, суетливо. А сие никак не вязалось с обликом следователя.

Облику своему Натан Степаныч придавал важнейшее значение, оттого по прибытии долго разглядывал себя в крохотное зеркальце, ровнял соломенные усы и воротничок рубашки выправлял, галстук... он знал, что несмотря на все старания выглядит весьма простовато, обыкновенно и некогда терзался этим, гадая, как сложилась бы жизнь, если бы Господь даровал ему не только разум, но и внешность яркую, располагающую... глядишь, и не отказала бы ему Алевтина Михайловна...

Спрятав зеркальце и окончательно совладавши с предательницей-ногой, Натан Степаныч огляделся. Ушел поезд, остановившийся в сей глуши на полторы минуты, каковых только и хватило, чтобы спрыгнуть на песчаную насыпь. И станционный смотритель, проводивший его мутным взглядом, вернулся к себе. Ожившая было станция вновь погрузилась в ожидание. Тихо переругивались бабки-лоточницы, выясняя, у кого ныне пирожки вышли лучше, и худоватый человек в коричневом пиджачишке вновь и вновь перелистывал затертую до дыр газету. Крестьянское многочисленное семейство сидело по лавкам, и глава его, седой, но крепкий еще мужик, чего-то там у смотрителя допытывался. Смотритель отмахивался. Рыжая курица пыталась выбраться из корзины, и девчонка с длинными белыми волосиками тыкала в нее палкой, приговаривая:

– Сиди, сиди...

– Этак ты ее только напугаешь, – сказал Натан Степаныч. – Ты ее погладь...

– Так она клюется, – возразила девчонка. И рядом тотчас появилась женщина в черном вдовьем платке, наброшенном на поредевшие волосы.

– Аська! – она дернула девчонку за косицу. – Тебе что было велено?

– Не ругайте девочку, милейшая, – Натан Степаныч улыбнулся, он знал, что улыбка его лишена всяческого очарования, и что само лицо, строгое, грубоватое, с крупными чертами, производит впечатление отталкивающее. – Вы лучше подскажите мне, как до Новых Козлов добраться.

Женщина уставилась на него, шевеля губами. Староверка? Не понять... если так, то разговаривать не станет.

– Так... по дороге... вон тама и начинается...

Дорогу Натан Степаныч и сам заметил, обыкновенную, песчаную, местами – с красноватыми проплешинами глиняной ишкры, с намертво выбитыми колеинами, в которых, надо полагать, по осени набирается вода. Дорога сия уводила в лес, начинавшийся с полупрозрачных нежных березок, но за ними проглядывали темные громадины елей...

– И далеко?

Женщина вновь задумалась.

– С три версты...

Далеко. В прежние-то годы три версты не были расстоянием для Натана Степаныча, случалось ему хаживать и поболе, однако когда то было? Уж верно, не теперь, когда спина все еще ноет, а предательскую ногу мелко подергивает. И ботиночки-то на нем